

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Посвящается 300-летию российской полиции

Юридическая наука и практика:

Вестник Нижегородской академии МВД России

Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год

№ 2 (42)

Legal science and practice:

Journal of Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of internal affairs of Russia

Founded in 2001
Published 4 times a year

Нижний Новгород 2018

УДК 340.12
DOI 10.24411/2078-5356-2018-10006

Павлов Вадим Иванович
Vadim I. Pavlov

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Академия МВД Республики Беларусь (220005, Республика Беларусь, Минск, пр-т Машерова, 6-427)

candidate of sciences (law), associate professor, the chief of chair of the theory state and law history Academy of the Ministry of internal affairs of the Republic of Belarus (6-427 Masherova st., Minsk, Republic of Belarus, 220005)

E-mail: vadim_pavlov@tut.by

Личность в праве в процессе реализации правовых ценностей с позиции антропологической концепции права

Personality in law in the process of realization of legal values from the position of the anthropological concept of law

В статье исследуется процесс реализации правовых ценностей с позиции разрабатываемого автором антропологического подхода к праву. Охарактеризована модель человека в праве, на основе которой раскрыто понятие правовых ценностей. Под ними понимается акт волевого самоопределения человека в праве по отношению к определенному элементу правовой реальности на основании личностного (свободного) способа правового существования, направленного на достижение справедливости, а также его выражение в нормативно закреплённом правовом положении.

Ключевые слова: право, антропология, человек, личность, правовая ценность, воля, справедливость.

In article is investigated process of realization of legal values from a position of the anthropological approach to the law developed by the author. The model of the person in the law on the basis of which the concept of legal values is opened is characterized. They are understood as the act of strong-willed self-determination of the person in the law in relation to a certain element of legal reality on the basis of a personal (free) way of the legal existence directed to achievement of justice and also its expression in standardly fixed legal status.

Keywords: law, anthropology, person, personality, legal value, will, justice.

1. В традиционной общеправовой теории правовые ценности обычно рассматриваются в контексте их нормативной правовой регламентации, в связи с их отражением в законодательстве. При таком подходе под правовой ценностью, как правило, понимается нормативно-правовое закрепление тех или иных общепризнанных положений, отражающих позитивное отношение отдельного человека и общества в целом к правовой системе общества [1; 2].

Антропологический подход к праву (в настоящей статье понятия «антропологический подход к праву», «антропология права», «антропологическая концепция права» употребляются автором как тождественные), который в последнее десятилетие получает все большую популярность [3–7], в том числе разрабатывается и авто-

ром настоящей статьи [8–11], имеет свою специфику понимания правовых ценностей и процесса их реализации, которая обусловлена направленностью на познание человекомерности права. Человекомерность права – это главный принцип антропологии права, который означает представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком [11, с. 36–37]. В доктринальном плане человекомерность права выявляется через антрополого-правовой подход к пониманию права, в соответствии с которым сущность, «главное в праве» выявляется в точке соприкосновения трех элементов правовой реальности: 1) человека в праве, 2) нормы права и 3) факта правовой жизни. Эти три элемента представляют своего рода триединую структуру правового, в которой

© Павлов В.И., 2018

выражаются антропологический, социальный и нормативный уровни правовой реальности соответственно, в то время как в классических подходах к правопониманию выявление сущности права связывается с каким-либо одним уровнем правовой реальности (например, нормативным в юридическом позитивизме).

Антрополого-правовой подход к познанию права влияет и на понимание процесса реализации правовых ценностей. В соответствии с ним реализация правовых ценностей рассматривается как выявление и анализ процесса волевого определения человека в праве по отношению к определенному элементу правовой реальности на основании личностного (свободного) способа правового существования, направленного на достижение справедливости, а также его выражение в нормативно закреплённом правовом положении.

Иными словами, правовые ценности здесь рассматриваются не только на уровне нормативной правовой реальности, но преимущественно на уровне антрополого-правовой реальности, то есть в контексте правового существования человека. На этот момент существования ценностей обращал внимание ещё Н. Неновски, который также обращался к идее человека: «человек есть центр, средоточие всех ценностей и сам является ценностью в последней инстанции. Этот фундаментальный тезис марксизма действует и в сфере права, и здесь не может быть ценности выше, чем ценность человека» [12, с. 178], но здесь же по понятным причинам учёный делал оговорку об «объективной социально-классовой обусловленности ценностей в праве» [12, с. 179].

Основной смысл реализации правовых ценностей в антропологии права, таким образом, связывается с пониманием того, что реализация ценностей – это не столько приложение к жизненной ситуации установленных в источниках права правовых норм-ценностей, сколько определение ценностного содержания, выявление процесса ценностного позиционирования человека в праве в процессе правового существования, в том числе относительно процесса волевого выбора блага. Таким образом, правовая аксиология оказывается включённой в антропологию права и в учение о личности в праве как её составная часть.

2. В связи с таким пониманием правовой аксиологии в антропологической концепции права особое значение приобретает учение о личности и человеке, ведь без него невозможно прояснить процесс реализации правовых ценностей.

В учении о личности и человеке мы исходим из нетождественности, с одной стороны, лично-

сти человека, с другой – его сущности, или природы. В самом общем виде можно сказать, что природа, или сущность человека, есть совокупность его психосоматических характеристик как индивида человеческого рода, в то время как личность представляет собой онтологическую основу человека, определяющую способ бытия его индивидуализированной природы, точнее – всех природных человеческих свойств. Разумеется, для юридического анализа речь идет о тех свойствах, которые имеют юридическое значение.

Личность также может быть охарактеризована через понятие «ипостась», или «способ существования», которое отражает экзистенциальный момент человеческого бытия. Это понятие приобрело ключевое значение в философской и богословской мысли в самом начале христианской эпохи, поскольку с ним было связано изучение личности и человека. Как и понятие «лицо», «личность» (др.-греч. πρόσωπον), понятие «ипостась» (др.-греч. ὑπόστασις) было разработано представителями Каппадокийской школы IV века в Византии [13, с. 180–181].

Введение в философский язык понятий «ипостась» и «личность» было обусловлено необходимостью различия сущности в ее аристотелевском смысле и ипостаси как в Боге, так и применительно к человеку. Сама же идея различия сущности и личности была сформулирована в VII веке: византийский мыслитель Максим Исповедник последовательно различал «чтойность», «что-бытие» (τὸ τί ἔστιν) и способ существования, личность «как-бытие» (τὸ ὅπως ἔστιν). Ипостась представляет собой способ существования (др.-греч. τρόπος ὑπάρξεως) конкретного сущего, по которому и познается его сущность (или природа). Применительно к человеку ипостась есть способ существования его сущности (или природы). Сущность человека поэтому познаваема только через ипостасные свойства конкретного человеческого существования, а не через метафизическое схватывание самого сущего вне его ипостасных свойств.

Уяснение сущности, природы всякого сущего через его ипостасные свойства связано со всяким антропологически связанным сущим, в том числе и правом, которое направлено на регулирование поведения человека и социальное регулирование как таковое. Поэтому с антропологической точки зрения представляется некорректным выявление сущности, подосновы права как социального и антропологического явления без учета его проявления в контексте правового существования человека.

Таким образом, суть понятия личности как онтологической основы человека заключается в управлении своей индивидуализированной природой, всеми природными свойствами, в частности, такими важными для правового регулирования поведения человека, как разум и воля, и направлении их на благо. Личностные же свойства позволяют осуществить этот процесс, среди них выделяются – несводимость к природе, свобода и нравственность, открытость, творчество, уникальность, целостность [11, с. 132].

3. Представленная выше антропологическая модель, основанная на различении природы и личности человека, дает основание заключить, что все антропологические проявления человека, в том числе его воля, разум, эмоции и т.д., могут иметь природную детерминированность, либо же могут приобретать личностный способ существования через подчинение и определенное волевое направление личностью своей природы, которая в актуальной экзистенциальной ситуации сталкивается с собственным нравственным ограничением, нравственным несовершенством. Тезис о нравственном несовершенстве человеческой природы в антропологии и психологии является аксиоматичным и основан на факте упречности, несовершенстве природных свойств человека, что подтверждается, например, наличием на всем протяжении человеческой истории явления преступности и существованием множества криминологических теорий преступности. Среди всех антропологических проявлений человеческих энергий особое место принадлежит энергии воли, которая отвечает за реализацию в жизни человека личностного начала через направление воли на благо, или добро [11, с. 126–128]. Само понятие воли достаточно рано начало использоваться в юридической традиции для формирования юридических конструкций как в частном, так и в публичном праве (волеизъявление в гражданско-правовом договоре, анализ проявления воли правонарушителя через конструкцию субъективной стороны правонарушения и др.). При этом основное значение юристы уделяли внимание не просто процессу формирования воли и ее проявлению, а направленности личной воли на благо, которое и выступало объектом правовой охраны, либо на нарушение этого блага.

Благо является важнейшим понятием антропологии права. Оно представляет собой направленность человеческого бытия через волевое подчинение человеческой природы на личностный способ существования. В наиболее же общем смысле благо есть то, что способству-

ет человеку и обществу в целом. Ю.Ю. Ветютнев отмечает, что «применительно к праву можно рассматривать благо как наиболее обобщенный образ социальной ценности <...> благами могут считаться лишь социально полезные явления» [14, с. 102, 114]. Такой общесоциальной трактовке блага отвечает и предложенное нами выше его антропологическое понимание, поскольку личностный способ существования человека, укорененный в постоянной ориентации на благо, также способствует сохранению общества и человека, максимальному устранению социальной конфликтности, мирному сосуществованию членов общества, порядку в отношениях, личному экзистенциальному удовлетворению и т.д.

Вместе с тем, традиционная юридическая трактовка блага, или ценности, основывается на институциональном принципе определения блага в формально-правовом смысле. Благо – это, прежде всего, нормативно определенное основание, норма-ценность, минимально зависящая от личного существования человека в праве. Для антропологии права понимание блага, равно как и правовой ценности, напротив, в большей степени связано не с институциональным, а с личностным принципом выявления и реализации блага, который, применительно к деятельности множества субъектов, становится и благом в собирательном значении – благом в социальном смысле, то есть социальной ценностью. Такая антропологическая трактовка истоков ценностного в праве ставит предел ценностной автономизации права, понимаемого, прежде всего, как формальная система норм, и заменяет такой подход пониманием права, а также блага в юридическом смысле благом в экзистенциальном смысле – в контексте правового существования человека в праве. Согласно антрополого-правовым представлениям право как система норм объективного права может рассматриваться лишь в качестве формально-юридического средства, с помощью которого можно создать условия для усиления личностно-бытийных практик правовой субъективации. Однако с помощью того же объективного права как системы норм можно, напротив, и пресекать личностные практики правового существования. Например, это имеет место в случае легализации большинством стран Западной Европы так называемых соматических прав человека (признание семьей гомосексуальных пар, изменение пола и др.). Последние очевидным образом направлены на разрушение человеческой личности и идентичности, самой человеческой природы, хотя аргументация в пользу легализации этих прав основывается на необхо-

димости обеспечения своеобразно понимаемого блага – свободы личности на основании норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В качестве такого негативного примера можно указать на решение Европейского суда по правам человека по делу «Валлиантос и другие против Греции» («Vallianatos and Others v. Greece», № 29381/09 и 32684/09), в соответствии с которым законы Греческой республики, допускающие брачные союзы только как союз мужчины и женщины, были признаны дискриминационными и нарушающими права человека в части статьи 14 («Запрещение дискриминации») и статьи 8 («Право уважения частной и семейной жизни») Конвенции [15].

В данном случае очевидно, что ЕСПЧ пользовался обычным пониманием блага, правовой ценностью. Практика Европейского суда основывалась на формально-юридическом понимании личности, субъекта права и блага в юридическом смысле, таковой же была и логика судей Европейского суда, осуществляющих толкование норм Конвенции. Причем интересно отметить, что формально-юридическая логика определения блага укладывается и в естественно-правовую, и в нормативистскую, и в социологическую, и в либертарную, и в любую иную классическую концепцию правопонимания.

В случае же использования антрополого-правового подхода сопоставление правового поведения, ставшего предметом спора в данном случае, с образцами желаемых, идеальных для конкретного социума практик правового существования и предлагаемой концепции личности в праве сможет прояснить их аксиологическую направленность. В антропологической концепции права и соответствующего ей типу правопонимания правовое поведение анализируется с позиции правового существования, в связи с чем антропологически понимаемое право «может быть представлено как проекция бытия самого человека» [16, с. 80], в первую очередь личностного бытия в рамках конкретного социума.

Следует отметить, что в западной традиции права начиная с эпохи Нового времени вопрос о ценностном волевом проявлении, или свободном выборе с позиции различия действия через выбор несовершенной человеческой природы либо через ее личностное подчинение практически никогда не ставился. Это, на наш взгляд, обусловлено интерпретацией еще в средневековый период западной традиции понятия личности как «индивидуальной субстанции разумной природы» (от С. Бозция до Ф. Аквината) [17, с. 172; 18, с. 379–380], которое прошло через всю исто-

рию западной мысли о человеке. В то же время в самих средневековых правовых системах ввиду господства религиозного мировоззрения всякое упречное волевое проявление было связано с действием зла и считалось грехом. В Средневековье понятие преступления, например, рассматривалось не столько как формальное нарушение закона, сколько как грех. Так, Г.Дж. Берман отмечает, что в Средние века на Западе «слова “преступление” и “грех” были взаимозаменяемыми. В общем виде все преступления были грехами, а все грехи – преступлениями» [19, с. 183]. Т. Валинга также отмечает, что в XIII столетии Фома Аквинский на основании этики Аристотеля и концепции Аврелия Августина сформулировал формально-юридическую концепцию реституции, согласно которой причинение вреда является грехом (лат. «reccatum» – грех, преступление, прегрешение, проступок) до тех пор, пока вред не будет возмещен [20, р. 12]. В новоевропейской же правовой традиции в связи с ее антиклерикальной направленностью этот аспект антропологии права был дискредитирован в связи с господством новой антропологической модели.

4. Для антропологии права как сугубо юридической концепции рассмотрение процесса реализации правовых ценностей как направленности человеческого бытия через волевое подчинение упречного состояния человеческой природы личностному способу существования, то есть направленности исключительно на благо как таковое, является избыточным. Сама практика жизни в направлении личностного способа бытия, то есть направления его к благу, лежит в области нравственности, а не юриспруденции. Конечно, в философско-правовом смысле реализация правовых ценностей может рассматриваться как направленность всех человеческих энергий по отношению к конституированию совершенной личности, то есть к добру, благу. Похожую концепцию права во второй половине XIX века разрабатывал известный русский философ В.С. Соловьев, который в основание своей правовой концепции закладывал идею стремления права, государства, человека к «Абсолютному Добру» [21].

Однако антропологическая концепция права не является только философско-правовой концепцией, но представляет собой теоретико-правовое учение, рассчитанное на его практическое приложение к правовой действительности. Именно поэтому в процессе правового существования личностное конституирование как направление человеческих энергий к благу как таковому является слишком широким и по своему предмету выходит за рамки области юридического. Тем не менее

сами антропологические процессы, в том числе процессы, связанные с существованием человека, взаимной расположенности в нем природных и личностных свойств, выступают методологической основой для анализа антропологического механизма реализации правовых ценностей.

Аналогичным образом следует сказать, что не все указанные нами выше характерные признаки личности или личностные свойства имеют одинаковое значение для правового существования человека в праве. Среди выделенных признаков личности в соответствии с предметной спецификой правового регулирования общественных отношений, на наш взгляд, для права первоочередное значение имеют только две личностные характеристики: 1) свобода; 2) нравственность (нравственная обусловленность личного существования).

Эти две личностные характеристики в практике человеческого существования тесно взаимосвязаны, поскольку человек, актуально находясь в нравственно несовершенном природном состоянии, вынужден через волевое действие постоянно самоопределять свою свободу – в правовой действительности он обречен свободно нравственно определяться, выбирать между благом и злом.

Безусловно, с точки зрения правового регулирования, равно как и с позиции практической нравственности, для человека важно избрать благо, осуществить нравственно положительный выбор, который, собственно, и характеризует выбравшую благо волю как нравственно свободную, которая и задает совершенный уровень личности человека. В случае же ошибки в выборе, упречности, то есть при выборе зла (зло в данном случае рассматривается как ошибка в произволении, промах, др.-греч. – «ἀμαρτία»), человеческая воля оказывается несвободна, нравственно упречна, в определенном смысле неличностна. Как мы отметили выше, в эпоху Средневековья в рамках религиозных правовых систем, когда сферы юридического и религиозного практически отождествлялись, выбор блага всегда и воспринимался не только как нравственно положительный, но и как правомерный. И, напротив, выбор зла воспринимался не только как нравственная девиация, но и как нарушение права независимо от дифференциации «светское/религиозное» (согласно с известным средневековым принципом «не всякий грех является правонарушением, но всякое правонарушение является грехом»).

Однако, как мы уже отметили выше, в современных условиях выбор, ориентированный

на благо как таковое, для сферы юридического слишком широк, поскольку выбор правомерного представляет собой лишь частный случай выбора блага, прежде всего, из-за дифференциации религиозного и светского в современном мире. Поэтому сам антропологический механизм действия в человеке свободы, нравственно-психологический процесс осуществления выбора слишком обширен с позиции правового регулирования, ведь нередко человек при выборе правомерного может руководствоваться сугубо нравственными установками в своем выборе, тогда это уже выбор не правовой, а нравственный, религиозный и т. д. Вместе с тем, это не означает, что при осуществлении правового выбора, то есть при использовании в процессе выбора правовой установки (например, ориентация на норму права, на последствия, связанные с юридической ответственностью и т. д.), либо при наличии юридически значимого объекта выбора (спор о праве между субъектами гражданско-правового отношения, реализация уголовно-процессуальных отношений и т. д.), сам антропологический механизм свободного самоопределения работает по-другому. Основная задача как раз заключается в том, чтобы определить антропологический маркер юридического выбора в общем процессе самоопределения человека.

На наш взгляд, таким антропологическим маркером, который непосредственно связан с определением гномической воли в выборе человеком блага не в общем смысле, а в смысле непосредственного юридического значения и процесса правового существования, является справедливость.

5. Справедливость как в классическом юридическом дискурсе (особенно в рамках юснатурализма), так и в антропологии права выступает главным в области юриспруденции благом, правовым благом. Антрополого-правовое значение справедливости заключается, прежде всего, в том, что она выступает главным критерием личностного конституирования в определении выбора воли человека в праве в пределах правовой реальности. Именно поэтому выделенные нами две личностные характеристики – свобода и нравственная обусловленность личного существования – и связаны с понятием справедливости.

На этом основании следует заключить, что в антропологии права справедливость представляет собой главную ценность права и юридическую основу формирования личности относительно существования человека в праве. Выступая как правовое благо в антропологическом смысле, справедливость рассматривается как включен-

ная в процесс личностного конституирования человека, она является ценностным отражением правового в структуре личности и именно поэтому как правовое благо справедливость связана с правовым существованием человека.

Вместе с тем, справедливость как общеправовой принцип может рассматриваться в нескольких аспектах, иметь разные уровни своего проявления. В антрополого-правовом значении поэтому есть смысл выделять не только нормативный, а еще и два иных уровня проявления справедливости: 1) справедливость на уровне личного правового существования (личностная справедливость); 2) социальная справедливость; 3) нормативная справедливость. Каждый из этих уровней справедливости имеет свои особенности проявления и каждый из них является правовой ценностью, однако наиболее главным из них, на наш взгляд, выступает личностная справедливость – она предваряет все иные уровни проявления справедливости и является базовым принципом права, который не только нормативно, но и личностно включен в процесс правового существования человека в праве. Конкретное содержание каждого из названных уровней справедливости требует самостоятельного исследования.

Заключение. Таким образом, представленное понимание личности в рамках антропологической концепции права обуславливает и соответствующее понимание правовых ценностей и процесса их реализации. Правовая ценность есть, прежде всего, акт волевого самоопределения человека в праве по отношению к определенному элементу правовой реальности на основании личностного (свободного) способа правового существования, направленного на достижение справедливости, а также его выражение в нормативно закреплённом правовом положении.

Примечания

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
2. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999.
4. Рулан Н. Юридическая антропология: учебник для вузов. М., 2000.
5. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. М., 2002.
6. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004.

7. Социокультурная антропология права / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб., 2015.

8. Павлов В.И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Правоведение. 2012. № 2. С. 14–39.

9. Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Правоведение. 2015. № 4. С. 71–97.

10. Павлов В.И. Антропологическая концепция права // Постклассическая онтология права: монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. С. 325–376.

11. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Минск, 2017.

12. Неновски Н. Право и ценности / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987.

13. Саврей В.Я. Каппадокийская школа в истории христианской мысли: учебное пособие. М., 2012.

14. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы: монография. М., 2013.

15. Case of Vallianatos and others v. Greece // «European Court of Human Rights». Официальный интернет-портал Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int>. (дата обращения: 04.02.2014).

16. Максимов С.И. Дуальность права // Право Украины. 2011. № 1. С. 78–84.

17. Боэций С. Против Евтихия и Нестория // Боэций С. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.

18. Аквинский Ф. Сумма против язычников / пер. и прим. Т.Ю. Бородай. М., 2004. Кн. 1.

19. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М., 1998.

20. Wallinga T. The Common History of European Legal Scholarship // Erasmus Law Review. 2011. Vol. 4. № 1.

21. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseva и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца и др. М., 1990.

Notes

1. Babenko A.N. Legal values and development by their personality. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Balayants M.S. Fundamental legal values of modern society. Author's abstract... candidate of legal sciences. Moscow, 2007. (In Russ.)
3. Puchkov O.A. Anthropological comprehension of the law. Yekaterinburg, 1999. (In Russ.)
4. Rulan N. Legal anthropology: the textbook for higher education institutions. Moscow, 2000. (In Russ.)
5. Kovler A.I. The anthropology is law: the textbook for higher education institutions. Moscow, 2002. (In Russ.)

6. Arkhipov S.I. Person of law: theoretical research. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
7. The sociocultural anthropology is law / under the editorship of N.A. Isaev, I.L. Chestnov. St. Petersburg, 2015. (In Russ.)
8. Pavlov V.I. Energiyno-pravova a discourse as post-classical anthropology it is law. By the beginnings of a deconstruction of classical model of legal responsibility. *Pravovedenie*, 2012, no. 2, pp. 14–39. (In Russ.)
9. Pavlov V.I. To a question of anthropological type of law understanding. *Pravovedenie*, 2015, no. 4, pp. 71–97. (In Russ.)
10. Pavlov V.I. Anthropological concept of the law. Post-classical ontology of the law: the monograph / ed. of I.L. Chestnov. St. Petersburg, 2016. P. 325–376. (In Russ.)
11. Pavlov V.I. Problems of the theory of the state and law. Minsk, 2017. (In Russ.)
12. Nenovski, N. Pravo and values. Moscow, 1987. (In Russ.)
13. Savrey V.Y. The Cappadocian school in the history of a Christian thought. Moscow, 2012. (In Russ.)
14. Vetyutnev Y.Y. Aksiologiya of a legal form: monograph. Moscow, 2013. (In Russ.)
15. Case of Vallianatos and others v. Greece. «European Court of Human Rights». Official Internet portal of the European Court of Human Rights. URL: <http://hudoc.echr.coe.int>. (accessed 04.02.2014).
16. Maximov S.I. The duality is law. *Pravo Ukrainy*, 2011, no. 1, pp. 78–84.
17. Boetsy S. Against Evtikhiya and Nestoriya. Boetsy S. «Consolation philosophy» and other treatises. Moscow, 1990. (In Russ.)
18. Akvinsky F. The sum against pagans. Book 1 / transl. T.Yu. Boroday. Moscow, 2004. (In Russ.)
19. Berman G.D. The western tradition is law: an era of the formation / transl. with Engl. 2nd prod. Moscow, 1998. (In Russ.)
20. Wallinga T. The Common History of European Legal Scholarship. *Erasmus Law Review*, 2011, vol. 4, no. 1.
21. Solovyov V.S. Justification of good. Moral philosophy. Solovyov V.S. Compositions in 2 vol. Vol. 1 / general ed. of A.F. Losev and A.V. Gulyga. Moscow, 1990. (In Russ.)

УДК 123

DOI 10.24411/2078-5356-2018-10007

Парилов Олег Викторович
Oleg V. Parilov

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

doctor of sciences (philosophy), professor, professor of the department of philosophy
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoe shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: olegparilov@yandex.ru

О правовых свободах и «бегстве» от духовной свободы

On the legal freedoms and «escape» from spiritual freedom

Статья рассматривает коллизию между правовой и духовной свободой. Утверждается, что абсолютизация гражданских свобод на современном Западе в итоге привела к одиночеству человека, добровольному отказу от духовной свободы и тоталитаризму.

Ключевые слова: правовая свобода, свобода воли, личность, индивидуализм, кризис традиционных ценностей и институтов, тоталитаризм меньшинств.

The article considers the conflict between legal and spiritual freedom. It is argued that the absolutization of civil liberties in the West eventually led to the loneliness of man, the voluntary abandonment of spiritual freedom and totalitarianism.

Keywords: legal freedom, free will, personality, individualism, the crisis of traditional values and institutions, totalitarianism of minorities.

История человечества есть не что иное, как движение «ко всеобщей свободе все большего числа людей» [1, с. 25]. С этим утверждением В.С. Нерсисянца можно и согласиться, и нет. Проблема в многозначности категории «свобода». Одно дело – внешнеюридические (правовые) свободы, отвоеванные в ходе борьбы или «подаренные» свыше государством. Суть такой свободы ясно выразил Т. Гоббс в «Левиафане» – это «отсутствие внешних препятствий, которые... могут лишить власти делать то, что хотелось бы» [2, с. 175]. То есть с этой точки зрения человек тем более свободен, чем меньше у него препятствий совершать то, «к чему влекут его воля, желание или склонность» [2, с. 176]; свобода, по Т. Гоббсу, обеспечивается естественными правами и ограничивается законами, трактуемыми философом как узы.

Другое дело – внутренняя духовная свобода или свобода воли: владение человеком собой, способность самостоятельно строить свою жизнь, делать осознанный выбор и нести за него ответственность; свобода, выступающая ключе-

вым критерием формирования личности. Недопустимо ни абсолютизировать одну из трактовок свободы, ни отождествлять их, как это делает В.С. Нерсисянец: «Какой-либо другой формы... выражения свободы... кроме правовой, человечество до сих пор не изобрело» [1, с. 24] и «свобода индивидов и свобода воли – это понятия тождественные» [1, с. 23]. Очевидно, что путь к правовым свободам вовсе не предполагает автоматического обретения духовной свободы. Напротив, история романо-германской цивилизации красноречиво демонстрирует, что утрата внутренней свободы стала ценой шестивековой борьбы за свободы внешние, юридические, о чем писал Э. Фромм [3].

Действительно, Европа с эпохи Возрождения до настоящего времени демонстрирует страстную борьбу за внешние (отрицательные) свободы «от»: от власти церкви, природы, тоталитарных государств. Но уже Ренессанс убедительно показывает, что наряду с утверждением личности, ее значимости и достоинства одновременно растет и чувство изоляции индивида

© Парилов О.В., 2018